18+

Владимир Маталасов

Будни профессора Пестикова

Иронический,
детективный
роман-фэнтези

53029507/a964-671-3794248106693-=30682648149763089 24/*5 3/*8

Владимир Маталасов

Будни профессора Пестикова. Иронический детективный роман-фэнтези

«Издательские решения»

Маталасов В. А.

Будни профессора Пестикова. Иронический детективный роман-фэнтези / В. А. Маталасов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742810-5

Иронически-фэнтезийное повествование о славных делах и борьбе бойцов невидимого фронта с заклятыми врагами, засланными на российские просторы.

ISBN 978-5-44-742810-5

© Маталасов В. А.
© Издательские решения

Содержание

Будни профессора Пестикова 6
дела и заботы профессора Пестикова 6
Генерал-полковник Дальновидный, подполковник Следопытов и младший лейтенант Неуловимцев Иван Иваныч приступают к решению трудноразрешимой задачи 11
Представители уголовного мира – «Чумазый» и «Лохматый». Их преступные деяния и помыслы 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Будни профессора Пестикова
Иронический детективный роман-фэнтези

Владимир Анатольевич Маталасов

© Владимир Анатольевич Маталасов, 2020

ISBN 978-5-4474-2810-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Будни профессора Пестикова
Иронический, детективный роман-фэнтези

дела и заботы профессора Пестикова

Профессор Пестиков Никанор Евграфович низко склонился над секретными чертежами своего нового изобретения. От зелёного абажура настольной лампы исходил мягкий, рассеянный свет. Установлена она была на мраморной подставке, выполненной в виде обнажённых фигур Аполлона Бельведерского и Венеры Милосской, застывших в выразительных, многообещающих позах. Блики, роняемые лампой, игриво стелились по полу и стенам комнаты, оборудованной под рабочий кабинет. Кругом – стеллажи с книгами и непонятными постороннему глазу приборами и аппаратурой различного предназначения. Пищали, щёлкали, зуммерили элементы электронной аппаратуры. Пахло канифолью и нитролаком.

Кабинет размещался в загородном двухэтажном особняке, выполненном в виде добротного деревенского сруба, сработанного из дубовых брёвен. Первый этаж украшала веранда, второй – небольшой балкон, выходивший в вишнёвый сад. На этом балконе, в часы досуга, профессор нет-нет да и любил попивать цейлонский чай. Заваривался он непосредственно в турецком самоваре на угольках, доставляемых прямо из копей царя Соломона слугами шейха Али Махмуддина эль Абдулнадул тринадцатого. Как правило, профессор потягивал его из фарфоровой чашечки китайского сервиза с чухломской росписью.

Особняк располагался в берёзовой рощице дачного посёлка «Голубые Ключи». Метрах в ста от усадьбы протекала живописная речка Шалунья, в которую впадало множество родниковых ключей.

Сама природа способствовала возникновению творческих всплесков мысли. Здесь нашли свой приют размышления о смысле жизни, философские умозаключения о значении учений Шопенгауэра и романтической лирики Петрарки. Всё это вносило некоторые элементы таинственности и загадочности в, казалось бы, будничную обстановку тихого, уединённого островка жизни.

Никанор Евграфович являл собой тип кабинетного учёного. Это был яркий приверженец уединённых, кабинетных занятий в тиши берёзовых рощ в низинах среднерусской возвышенности. Профессор восторгался шумом вод родниковых ключей и звуками крика ночной совы. По утрам он наслаждался пением петухов, а днём любил подсчитывать количество куков, издаваемых кукушкой.

У него был классический вид учёного начала прошлого столетия. Был он невысокого роста, весьма подвижный и эксцентричный в свои шестьдесят лет. Худощавый, с бородкой клинышком, в пенсне и в чёрной академической ермолке, которую не снимал даже тогда, когда ложился спать. Работал он в области создания электронно-биологических систем шестого уровня восьмого порядка двадцать второго поколения, способных к самовоспроизводству себе подобных.

Было у профессора и хобби, которым он занимался втайне от всех, а именно: он увлекался селекцией овощных культур на своём приусадебном дачном участке. Одной из последних его работ в этом направлении была селекция редиски и хрена. Получилась редиска хреновидная вкуса хреновой редиски…

Академическая ермолка профессора так и мелькала над поверхностью рабочего стола. Его пристальный взгляд скользил по листам ватмана с секретными чертежами, останавливаясь на отдельных их узлах и деталях. Он вникал и мыслил. Делал какие-то пометки на полях чер-

тежей. В уме оперировал семизначными цифрами, умудряясь при этом производить с ними сложные математические расчёты с применением методов интегрирования и дифференцирования. Логарифмическая линейка, удерживаемая в левой руке, позволяла обеспечить законченность форм внешнего облика выдающегося учёного.

Но вот профессор оторвал пристальный взгляд от чертежей. Сидя, выпрямился, сладко потянулся, издавая протяжные, благостные звуки. В этот миг старинные часы швейцарской фирмы «Бухбах» известили мир о том, что уже очень поздно и время вот-вот перевалит за два часа ночи. Спать не хотелось. Распалённый мозг требовал непрерывного умственного напряжения.

Профессор встал, подошёл к кафельной печке, возвышавшейся под самый потолок. Средним пальцем правой руки он нажал на какой-то её выступ. Беззвучно отворились створки потайного сейфа, закамуфлированного под эту самую кафельную печь. Никанор Евграфович вытащил, одну за другой, несколько папок с совершенно секретными изобретениями. С нескрываемым удовольствием перелистал их пожелтевшие от времени страницы. Среди них ему попалась папка с описанием одного из множества незаконченных изобретений. На первый взгляд, было оно не таким уж и секретным. Над ним он когда-то работал, так, играючи, для разминки мозгов. Заключалось оно в следующем.

Всё возрастающее число автомобильных пробок на дорогах страны не могло пройти мимо пристального внимания и зоркого глаза учёного, приковав к себе всё его существо.

– Что делать? – размышлял профессор. – Легче колесницу римского императора переделать на тачанку со станковым пулемётом. Каким бы это таким чудесным образом избежать подобного бедствия, нарастающего снежным комом? Сколько нереализованных возможностей? Сколько бытовых, производственных и прочих неудобств, морального ущерба, убытка стране несло на себе это зло. Подумать только! Подобное невозможно передать словами: только – мимикой.

– Вперёд! – воскликнул про себя Никанор Евграфович, и ровно через год им был создан аппарат, облучение которым живого объекта позволяло делать его невесомым.

Это давало развязку решению множества жизненно важных проблем, связанных с индивидуальным перемещением людей в пространстве, по воздуху, как в черте города, так и за его пределами. Отпадала надобность в использовании личного автотранспорта. Это положительным образом должно было сказаться на окружающей среде. Число аварий уменьшилось бы в несколько десятков, а может быть даже и сотен раз. Территории городов были бы максимально разгружены от людских и транспортных потоков. В общем, бесчисленные преимущества, которые сулило данное изобретение, были налицо, велики и неоспоримы.

Однако, прибор требовал серьёзных доработок. Всё дело заключалось в том, что экспериментально облучаемые живые объекты не желали зависать в воздухе. Они устремлялись вертикально вверх и покидали пределы земли, преодолевая силы земного притяжения. Иными словами: облучение прибором придавало объекту строго вертикальную составляющую движения. Многовекторность же этого движения, которая обеспечивала бы объекту свободное зависание в воздухе, отсутствовала. Это таило в себе определённую опасность.

Так, например, толи по неосторожности, толи по неосмотрительности, проявленной профессором, во время проведения испытаний аппарата, в космос, с хрюканьем, был отправлен соседский хряк. За ним туда же последовали и два гуся – один белый, другой серый, – что жили у бабуси, напротив. Правда, никто из пострадавших так и не догадался, что же всё-таки произошло с их любимцами.

Разумеется, профессор от души, про себя, посочувствовал пострадавшим, проявив при этом все наилучшие черты и качества филантропа. Ущерб, на правах благотворительности, был им возмещён в тройном размере без объяснения причин случившегося. Подобный шаг был предпринят для устранения преждевременного разглашения сути изобретения.

Итак, необходимо было все пространственные силы, воздействующие на объект, уравнять, приведя их к единому, общему знаменателю. Возникал вопрос обеспечения регулирования скорости, направления и высоты движения в свободном парении. Только лишь уже после этого можно было представить изобретение на суд в высших научных инстанциях. И профессор когда-то работал в этом направлении много, долго и упорно. Делал он это, не покладая рук, которые всё время пребывали в непрестанном движении, как и мысли. Ему оставалось ещё совсем немного, чтобы завершить начатое дело. И вот только теперь он решил довести его до логического конца.

В перспективе стояла задача создания малогабаритного, компактного, переносного, индивидуального прибора. Им должен быть оснащён каждый представитель отечества: и стар и млад. И эта задача была уже почти что решена. Оставалось устранить кое-какие неполадки в опытном экземпляре прибора, и – дело в шляпе, как любил говаривать профессор. На это было решено бросить все свои неисчерпаемые ресурсы человеческой мысли и интеллекта, потенциал которых был безграничен. Поэтому Никанор Евграфович дал себе слово работать и работать все двадцать четыре часа в сутки, не смыкая вежд…

Профессор закрыл сейф с секретными документами. Подошёл к рабочему столу, выдвинул его средний ящик. Из него он извлёк небольшой предмет размером с пачку сигарет и прикрепил спереди к брючному ремню.

Неожиданно разразился дождь. Крупные капли его громко забарабанили по металлическому карнизу окна. Небо прочертила яркая, ломаная линия грозового разряда. Раздались мощные раскаты грома. Профессор тут же поспешил плотно прикрыть створки окна. Затем, выйдя на середину комнаты, передвинул безымянным пальцем левой руки небольшой рычажок на коробке и… стал быстро, беззвучно подниматься вверх.

Наличие потолка прервало поступательное движение учёного.

Неслышно отворилась дверь кабинета. На пороге его возникла стать жены Никанора Евграфовича – Ефросиньи Саввичны Пестиковой-Тычинкиной. Являлась она обладательницей роскошной фигуры со сбалансированным объёмом всех частей тела и мягкого, грудного голоса. Узрев мужа в подвешенном состоянии, подпиравшего своды потолка, она ахнула и обомлела, схватившись за сердце.

– Никиша! Что ты там делаешь? – испуганно вскрикнула она.

– А ты разве не видишь? – молвил муж, не зная, что и ответить. – Лампочку вкручиваю, – выпалил он первое, что пришло на ум.

– А-а, – обескураженно протянула женщина. – А как же ты там держишься, без лестницы?

– На гвоздике. Ты, Фрося, вот что: ступай-ка лучше себе вниз да ложись, а я скоро приду. Ну, иди, иди.

– Тогда я пошла, Никиша, – тихо вымолвила всё ещё до смерти перепуганная Ефросинья Саввична. – Только ты уж смотри, не задерживайся там.

Она тихо вышла, осторожно притворив за собой дверь. Никанор Евграфович всё ещё висел под потолком в положении «на боку».

– Выключить прибор, значит шею себе свернуть, – судорожно размышлял он под рёв ненастья. – Поэтому сначала надо оттолкнуться от потолка и, достигнув пола, тут же выключить прибор.

Так он и поступил, правда, приземлившись на голову, но оставшись при этом целым и невредимым.

Ночь разразилась бурей и ливнем. Ветер нещадно гнул верхушки деревьев и швырял капли дождя в окна домов и на крыши. Небо разверзлось бездной. То тут, то там сверкали молнии, сопровождавшиеся грохотом канонады.

– Сплошное светопреставление! – радовался чему-то Никанор Евграфович. Такая погода, в его понятии, мобилизовала и вела к поставленной цели.

Он спустился по лестнице в гостиную. Там никого не оказалось. Под ногами скрипели половицы. В спальне тоже никого не было. Тогда решил заглянуть в комнату дочери Машеньки. Эта хрупкая, черноокая красавица двадцати лет от роду, с толстой, длинной косой, перекинутой через плечо, была поздним и единственным ребёнком в семье. Она была студенткой четвёртого курса консерватории по классу фортепиано у знаменитого педагога, профессора консерватории Евпла Дормидонтовича Внемлигласова.

Приоткрыв дверь, он увидел в свете ночника жену и дочь. Сидели они рядышком на кровати, боязливо прижавшись друг к дружке.

– А я всё в догадках теряюсь: куда же это подевались мои красавицы, – облегчённо вздохнул Никанор Евграфович. – Вы что же, полуночничать собрались?

– Да как-то не по себе, Никиша! – откликнулась Ефросинья Саввична. – На дворе скоро уже и светать начнёт, а мы тут как две клушки на насесте. Сидим, не спим, всё ждём, когда петух закукарекает.

– Ну, раз такое дело, то я попросил бы тебя, Маша, сыграть, для своего отца, что-нибудь этакое торжественно-триумфальное. Сыграй-ка мне, дочурка, что-либо из Баха, Моцарта или Генделя с Мендельсоном.

– Папа, так ведь ночь на дворе!

– Тем более, дочка, тем более. Ну, сделай милость, сыграй! Душа просит. Ты только посмотри какая катавасия за окном творится. Прелесть! Вот где простор, размах мысли.

Накинув на плечи большой пуховый, оренбургский платок, Маша проследовала за отцом в гостиную. Никанор Евграфович щёлкнул выключателем и комната озарилась мягким, радужным светом. Дочь подошла к прекрасному, старинному роялю фирмы «Беккер». Он достался в наследство Никанору Евграфовичу от его прадедушки – по материнской линии, – Касьяна Демьяновича Микиткина. Открыв большую крышку, за ней крышку клавиатуры, поудобнее умостившись на вращающемся стульчике, дочь приступила к разминке пальцев. Это выразилось в исполнении – в темпе «prestissimo» – нескольких произведений из цикла «Нам не страшен серый волк». И уж только после этого зазвучала «Кантата №47» Иоганна Себастьяна Баха.

Погода неистовствовала, а звуки музыки наперекор непогоде, всё лились и ширились, то усиливаясь, то стихая. Мелодия звучала всё сильнее, увереннее и торжественнее. Затем последовал плавный переход к «Прелюдии и фуге ми минор» всё того же композитора.

Взъерошенный, возбуждённый непогодой и музыкой, Никанор Евграфович, заложив руки за спину, метался по комнате из угла в угол, переполняемый нахлынувшими чувствами, мыслями и думами. А когда зазвучала «Партита до минор» Баха, профессор не выдержал и присоединился к дочери. Игра продолжалась уже в четыре руки.

Но вот зазвучала «Короткая месса» Моцарта. Тут уже не вытерпела Ефросинья Саввична и кинулась к миниоргану. Достался он ей в наследство от прабабушки – по отцовской линии – Миликтрисы Поликарповны Дармоедовой. Инструмент располагался в противоположном от рояля углу. Пересекая комнату по диагонали, она ногами запуталась в собственном одеянии, проскользив до органа на животе. По этой причине «Месса» в шесть рук прозвучала ещё более торжественней и убедительней. Под конец зазвучала «Аве Мария» Генделя.

Словно белые крыла птиц мелькали в воздухе три пары рук, наперекор и назло всем стихиям, бушевавшим за окном. Взят последний аккорд. Непогода, словно по волшебной палочке, сразу же утихла. Пропел первый петух, запели в роще соловьи. Где-то замычала корова, два раза хрюкнула свинья и три раза гавкнула соседская собака. Исполнители, все трое, вздохнули с облегчением. Испытывалась некоторая тяжесть в чреслах от чрезмерного душевного и физического перенапряжения. Истома, возникшая во всём теле, влекла к упокоению.

– Спать, спать и ещё раз спать! – воскликнул Никанор Евграфович и удалился восвояси.

Дом профессора погрузился в сон. Не могли уснуть только соседи ближайшей округи. Они были крайне встревожены ночной бурей и бравурными звуками музыки, низвергавшейся словно с самих небес.

Генерал-полковник Дальновидный, подполковник Следопытов и младший лейтенант Неуловимцев Иван Иваныч приступают к решению трудноразрешимой задачи

Шло совещание работников следственного отдела областного управления МВД. Подводились итоги работы за истекший квартал текущего года. Как это и полагалось, вступительное слово держал его начальник Недотёпов Дорофей Фролович. Назидания его, поучения и наставления давно уже стояли у сотрудников костью поперёк горла. Но слушать его было необходимо, исходя из основ служебной этики. По своему накалу тишина была беспросветной.

– Ведь нынче такие дела пошли, доложу я вам, – продолжал тем временем Недотёпов, – что прошу всех встать…

Все дружно встали, вытянув руки по швам.

– Да вы меня не так поняли, – поспешил он успокоить подчинённых. – Вы сидите, сидите. Это у меня такая присказка. Так вот, в каждом преступлении есть свой элемент неожиданности. Вот его-то как раз и надо искать, – глубокомысленно вещал начальник. – Любое из преступлений несёт на себе свой, особый след, и я бы даже сказал – отпечаток, почерк. По нему можно судить, как было совершено то или иное преступление: хладнокровно, в порыве ярости, преднамеренно, по неосторожности. Хотя должен вам признаться, в настоящее время действуют не преступники-одиночки, а организованные банды. Как быть? Самый надёжный способ – обезглавить банду, устранить её вожака, и тем самым внести смятение в её ряды. Но вот задача: как это выполнить, как к нему подступиться?.. Отнюдь, товарищи, отнюдь, подобная задача не из лёгких. И всё же, скажу я вам, на этот раз мы сработали с вами на отлично! – и невольная слезинка упала на его оттопыренную верхнюю губу, соскользнув на нижнюю, изогнутую в «петлю Нестерова». – Нам удалось обезвредить и задержать таких главарей банд, как Чингачгук и Щелкунчик.

– Что значит в нашем деле смекалка, дополненная мужеством, отвагой и личным примером, – продолжал Дорофей Фролович Недотёпов. – Эти качества свойственны только лишь волевым, энергичным, и я бы даже сказал – героическим натурам. Денно и нощно должны мы заботиться о безопасности наших с вами сограждан. Мы так должны думать о людях, чтобы они думали, что мы о них думаем.

– Так, а что там у вас, товарищ младший лейтенант Неуловимцев? – обратился он к скромно сидевшему у края стола молодому сотруднику, почти что юноше.

Но в это время вдруг зазвонил телефон. Дорофей Фролович поднял трубку аппарата. На проводе, судя по мимике его лица, находился, по всей видимости, какой-то высокопоставленный муж-чиновник. Под конец разговора Недотёпов вытянулся в струнку и вдохновенно отчеканил: «Есть!»

– Товарищ Неуловимцев! – тут же обратился к последнему шеф. – Вас незамедлительно требует к себе генерал-полковник службы безопасности Абросим Викентьевич Дальновидный. Вы свободны.

– Разрешите идти?

– Идите!

– Слушаюсь! – Молодой лейтенант крутанул на пятке полтора оборота и строевым шагом покинул кабинет шефа, негромко, но так, чтобы все слышали, хлопнув дверью…

В это же самое время в кабинете руководителя службы безопасности находились двое: сам хозяин и его заместитель Сысой Маврикиевич Следопытов. Перед последним на столе лежала папка для доклада, а рядом – высокая стопка бумаги с оперативной информацией.

– Итак, Сысой Маврикиевич, давайте-ка, пока у нас есть время, подытожим: что же нам всё-таки известно на сегодняшний день по операции… Ну, назовём её…

– «Ну и ну!» – поторопился вставить заместитель шефа.

– Почему «Ну и ну!»?

– А чтобы неприятеля ввести в заблуждение, – не растерялся Сысой Маврикиевич Следопытов. – Обычный речевой оборот. Кто догадается?

– Ну что ж: не дурно, свежо, ново и я бы даже сказал – не плохо. И всё-таки: что мы имеем на данный момент?

– На данный момент мы имеем следующее. Согласно достоверным оперативным данным, полученным от нашего агента, работающего под псевдонимом «Монах», иностранной разведке стало известно о последнем изобретении профессора Пестикова. Её руководство намеревается в ближайшие сроки заслать в нашу страну одного из опытнейших своих агентов. Что нам известно о нём?

Сысой Маврикиевич Следопытов водрузил на нос очки, взял со стола лист бумаги с секретной информацией и стал читать, наморщив лоб. Абросим Викентьевич тут же приступил к подсчёту морщин на его лбу. Ничего не поделаешь – профессиональная привычка, выработанная годами. Их он насчитал с полдюжины, с небольшим привесом.

– Лицо, засылаемое к нам в «гости», – продолжал Следопытов, – не иначе, как Бенджамин Штопс – среди «своих» просто – Беня Штопс, – агент «007 плюс», проходящий по нашим оперативным сводкам под псевдонимом «Индус». Этот «рыцарь плаща и кинжала» ни кто иной, как праправнук суперагента 007 – Джеймса Бонда, нелегально бесславно почившего незнамо где так, что и до сих пор никто не знает, где могилка его. Что послужило причиной тому, так и осталось величайшей загадкой века.

Всем своим существом, на генетическом уровне, агент «007 плюс» не переваривает Россию, по причине чего у него случаются частые запоры. Одержим желанием как можно больше насолить России. С этой целью, отправляясь на задание, не преминул прихватить с собой три мешка поваренной мадагаскарской соли отличного качества. В свободное от работы время почивает на лаврах, раскиданных по всем комнатам своей квартиры. Нет-нет, да и поигрывает в интеллектуальные игры типа «Морской бой», «Крестики-нолики» и «Эники-беники ели вареники», из которых непременно выходит победителем. Личность не столько загадочная и одиозная, сколько коварная.

При нём частенько находится саквояж с джентльменским набором. В его комплект входят следующие принадлежности: чёрный плащ-накидка, чёрная шляпа с широкими полями, чёрная маска, пистолет израильского производства, испанский кинжал и турецкая удавка.

Абросим Викентьевич Дальновидный, заложив руки за спину и покачиваясь на носках, молча стоял у окна и внимательно слушал доклад подчинённого. Это был убелённый сединами и умудрённый жизненным опытом человек, положивший когда-то в своё время живот свой на алтарь отечества, да так и оставивший его там. Всю свою жизнь посвятил он борьбе с внешними и внутренними врагами, с различными проявлениями зла и насилия с их стороны. Он был убеждён, что островное государство Барано́-Свине́лли, откуда исходит всё зло, есть ни что иное, как «империя войн и двойных стандартов с продвинутой демократией наоборот», о чём постоянно напоминал своим сотрудникам и коллегам по борьбе с оголтелыми.

– Его качества, – продолжал тем временем Сысой Маврикиевич, давая характеристику агенту «007плюс». – Молодой, стройный, подтянутый, выраженный брюнет привлекательной наружности. Рост – 182,7 сантиметра. За кажущейся худощавостью под одеждой скрываются отдельные мускулистые и упругие части тела твёрже стали и гранита.

– Это важный момент! – заметил Абросим Викентьевич. – Продолжайте!

– Взгляд – прожигающий насквозь. Из бесшумного пистолета калибра 9,99 с расстояния в сто метров попадает в глаз летящему комару. Отлично мечет нож и свободно ходит по его лез-

вию. В воде не тонет, в огне не горит, без особого труда пролазит сквозь медные трубы и ушко швейной иглы. Отличный спортсмен: в беге способен развивать скорость не менее ста двадцати трёх километров в час. По стене на шпиль высотного здания всемирного торгового центра, без страховки, взбирается за 31,3 секунды. Пуленепробиваем. В совершенстве владеет приёмами каратэ, джиуджитсу и ямало-ненецкой борьбы. Прошёл полный курс обучения чёрно-белой магии и научного оккультизма у доктора Умберто Айнцвай. По этой причине легко входит в контакт с представителями потустороннего мира; гипнотизирует на ходу; улавливает чужие мысли и передаёт свои с помощью азбуки Морзе. Обладает способностью перевоплощения в неодушевлённые предметы, например, в такие, как спальный китайский гарнитур, шведский гардероб или шифоньер, декоративная вешалка, чайник, и прочее.

Разборчив в выборе средств. Питает пристрастие к отвращению и ко всему тому, чего терпеть не может. Пытался постичь философию бытия, но плоды постижения оказались минимальными.

Кровяное давление 120 на 75 миллиметров ртутного столба, пульс полного наполнения. Хорошо интегрируется в окружающую среду.

К недостаткам агента «007плюс» следует отнести тот факт, что все решения принимаются им на интуитивном уровне. Уязвимое место – «ахиллесова пята», проглядывающая сквозь дырявый красный носок на ноге, обутой в лакированные зелёные штиблеты.

С успехом работает и под псевдонимами «Каманч» и «Мечтатель». Трое связных: кто именно, пока не установлено. Псевдонимы – «Иллюзионист», «Парфюмер», «Ювелир».

Пароль: «А не найдётся ли у вас, уважаемый, одного яйца Фаберже?». Ответ: «К великому сожалению его только что оторвали с руками и ногами. Могу предложить два яйца южноафриканского носорога».

– Та-ак, – протянул Абросим Викентьевич в глубокой задумчивости и, выгнув бровь, изобразил двухминутную паузу. – Крепкий орешек, ничего не скажешь. У этих нахрапистых ребят, как я полагаю, увесистые кулаки и крепкие затылки. Но у нас, на каждый из этих крепких затылков сыщется по одной хорошей, не менее крепкой, дубинке, и коленке под зад, а? Как тебе думается, Сысой Маврикиевич? Поддерживаешь мою линию?

– Чистейший эффектив, Абросим Викентьевич! Обеими руками.

– Это как же так – обеими? Ведь вторая ваша рука в повязке пребывает, – не замедлил напомнить генерал-полковник Дальновидный.

– Ах, да, я и совсем позабыл! – вроде бы невзначай поторопился припомнить Сысой Маврикиевич, скромно потупив глаза и чуточку отведя их в сторону. – Пустяки. Небольшой вывих с пустячным закрытым переломом. Сами понимаете: мной несколько неудачно был произведён захват с обхватом в смертельной схватке с Элеганто Скрупулёзо. Вы же сами хорошо знаете этого тайного резидента от международной шпионской мафии, возглавляемой всем известным господином Фиаско Бандитози.

Да, кстати, правила отбора агентов у этой мафии весьма жёсткие, и я бы даже сказал, варварские. Берутся двое новобранцев, и между ними устраивается своего рода «дуэль» в специально оборудованном для этого здании, утыканном видеокамерами слежения. Оснащение каждого из «дуэлянтов» – по израильскому автомату, турецкому пистолету и самурайскому мечу, которым делается харакири. В живых должен остаться лишь один, которого и зачисляют в штат агентуры. Вот с одним из таких – Элеганто Скрупулёзо – мне и пришлось столкнуться…

– Достаточно! – мягко прервал шеф (букву «ч» в этом слове он обычно заменял буквой «ш») – О подвигах ваших я наслышан, уважаемый. Так вот, в противовес агенту «007 плюс», на противоположную чашу весов, я решил поставить праправнука, славного потомка легендарного майора Пронина – Неуловимцева Ивана Иваныча, в настоящее время проходящего службу в органах МВД в чине младшего лейтенанта. Мы переподчиним его по линии нашего

ведомства министерству органов безопасности. Да, кстати, я его только что вызвал к себе, он вот-вот должен явиться.

Ну что можно сказать об этом человеке? А я бы сказал – всё, и в то же самое время – ничего. Неуловимцев Иван Иванович – выраженный блондин двадцати двух лет и четырёх с половиной месяцев от роду. Рост – 182,8 сантиметров. Хорош собой, мерзавец. Башковитый. Берёт умом и смекалкой, при этом думает своей головой, а не дядиной. Прекрасно пользуется и владеет сложившейся не в его пользу ситуацией. Все положительные стороны противника оборачивает против него же самого. Имеет богатый внутренний духовный мир с неисчерпаемыми возможностями и потенциалом. Способен работать в непрерывном режиме, или же, как принято теперь говорить, в режиме «он-лайн».

В общем, Неуловимцев Иван Иваныч – личность внешне ничем не примечательная и, я бы даже сказал, вполне заурядная. Но так может показаться только лишь на первый взгляд. А если взять в целом, так сказать – по большому счёту, то о нём мало что известно. На что он способен, никто не знает и не догадывается, хотя способен он на многое. Все свои качества и достоинства он держит в величайшем секрете. Его сослуживцы не раз пытались приподнять таинственную завесу над сонмом его необыкновенных способностей. Безрезультатно!

– Выходит, можно подумать, что явись он вот прямо сейчас, перед вами, из ничего, вы бы тому и не удивились, – в недоумении повёл плечами Сысой Маврикиевич. – Так надо понимать?

– Так, да не так, хотя уж и слишком! – оскалился в приятной улыбке Абросим Викентьевич. – Это уж чересчур с вашей стороны, перегиб так сказать. Никому не рассказывайте подобных сказок.

– Мы рождены, чтоб сказку сделать былью! – вдруг донеслось со стороны балконной двери.

Та с шумом распахнулась, впустив в кабинет молодцеватого юношу, облачённого в форменную одежду служб МВД.

– Младший лейтенант милиции Неуловимцев Иван Иванович прибыл в ваше распоряжение! – зычно, задорно отчеканил он, лихо отдавая честь.

По лицам начальствующего состава пробежала тень недоумения, заставившая их на какой-то миг раскрыть рты и округлить глаза. Потеря дара речи свидетельствовала о необычности сложившейся ситуации. А явилась она результатом неадекватных действий новоявленного, выразившихся в вопиющей несоразмерности причин и действий. Увеличивающаяся же, с каждой секундой, округлость элементов зрительного аппарата наводила на мысль, что не всё так гладко в нашем отечестве. Это непорядок, коль вот так вот, запросто, кто-то взял да и очутился в «святая святых» органов, без предварительного уведомления. Значит где-то что-то не доработано.

– Почему без стука, без доклада? – наконец-то, оторопело, возмутился генерал и тут же пригрозил: «Понижу в чине!»

– Ниже некуда! – весело откликнулся потомок легендарного майора Пронина и выволок за шиворот, с площадки балкона, на середину помещения какого-то мужчину, связанного по рукам и ногам. – Это один из представителей агентурной сети всем нам известной иностранной разведки, работающий под псевдонимом «Иллюзионист». По пути к вам я не преминул заодно прихватить и его, заметив, как он коварно прокрадывался на одну из конспиративных квартир к агенту по кличке «Парфюмер».

– Позвольте! Что всё это значит? Я не позволю! – Будучи не в состоянии совладать с бурным потоком эмоций, нахлынувших на него, генерал-полковник гневно хлопнул ладонью по крышке стола. – Почему через балкон, а не через дверь? И вообще, я отказываюсь что-либо понимать!

– Абросим Викентьевич! – обратился к нему подполковник Следопытов, успев взять себя в руки и проанализировать ход событий. – Будем воспринимать действительность такой, какая она есть на самом деле. Вы же сами только что рассказывали мне о некоторых особенностях некой личности, – заговорил он загадками, чтобы молодой, начинающий сотрудник не мог раньше времени возгордиться.

– Да-да, разумеется, вы правы, – разгубленно признался генерал Дальновидный. – Погорячился! Знаете ли, нервишки что-то стали пошаливать в последнее время. И всё-таки, коим образом вы умудрились очутиться на балконе, да ещё с такой поклажей?

– А-а, пустяки, ничего особенного, – застенчиво потупив глаза, молвил младший лейтенант Неуловимцев. – Да, кстати, пока шёл сюда, к вам, успел набросать протокол допроса задержанного. Там вы найдёте явки, пароли, шифры и много чего другого, интересного для всех нас. Во всяком случае теперь-то уж вся разветвлённая агентурная сеть Барано́-Свине́лли в наших руках. Правда, «Парфюмера» ещё не успел обработать. Он на балконе, за дверью.

– Как? И его?.. – удивлённо вскинул брови генерал-полковник Дальновидный.

– Представьте себе! – смущённо отозвался Иван Иваныч Неуловимцев.

– Скажите пожалуйста! – восхищённо потряс в воздухе головой подполковник Следопытов. – Что значит борьба умов и интеллекта!

Оба старших товарища в спешном порядке проследовали на балкон. Там действительно пребывало тело «Парфюмера». Оно чуркой возлежало между двумя пустыми, деревянными ящиками из-под пятизвёздочного армянского коньяка девяносто семилетней выдержки.

Удивлению места не осталось. «Парфюмера» тут же присовокупили к «Иллюзионисту» и унесли на допрос.

Оставшись в кабинете, втроём, разработали и составили план действий по нейтрализации агента «007 плюс». Ведь надо же было как-то пресечь коварные планы и замыслы руководства недружественного государства.

Был утверждён пароль: «А ирокез здесь не пробегал?». Ответ: «Нет! Здесь пробегал могиканин с томагавком и скальпом гурона из вигвама делавара!»

Представители уголовного мира – «Чумазый» и «Лохматый». Их преступные деяния и помыслы

Два уголовных элемента со злодейскими рожами угрюмо бродили по улицам вечернего города. Им во как позарез нужно было обзавестись «стволом» для свершения тщательно запланированных, неправомерных действий.

Улица была немноголюдной. Вдали маячила фигура постового милиционера. При виде его, один из уголовников по кличке «Чумазый» шустро юркнул в один из тёмных проулков. Другой – «Лохматый», – демонстративно бросил камень в сторону витрины магазина под названием «Ах! Неужели!..», и медленным шагом направился в тот же проулок. Постовой бросился за возмутителем спокойствия в тёмный провал домов, нагнал его, повалил на землю и стал скручивать.

– В помощи не нуждаешься, дядя? – услышал он за спиной звучание вкрадчивого голоса и, не успев даже сообразить в чём же всё-таки дело, вырубился не без посторонней помощи.

«Лохматый» быстренько извлёк из милицейской кобуры пистолет «Макарова». Его он засунул в глубокий карман мятых, потёртых штанов. Пропитаны они были запахом мусорной свалки, селёдки и репчатого лука. Оставив посреди проулка неподвижное тело поверженного милиционера, насильники направились в сторону пересечения центральных улиц с их маркетами и супермаркетами. Посетив один из них, покинули его с полной дневной выручкой магазина, парой новеньких заграничных костюмов и гастрономическим привесом в виде двух бутылок водки и закуски, представленной в основном морепродуктами.

Первая часть запланированного была выполнена. Теперь оставалось привести себя в соответствующий порядок. Для того необходимо было помыться, побриться, подстричься, навести внешний лоск «а ля шик-блеск». И последнее – снять приличный номер в приличном отеле, и дело сделано…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.